

Николай Греч

**Письма с дороги по
Германии, Швейцарии и
Италии**

Том 1

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Н63

Н63 **Николай Греч**
Письма с дороги по Германии, Швейцарии и Италии: Том 1 / Николай Греч –
М.: Книга по Требованию, 2013. – 284 с.

ISBN 978-5-518-10353-5

ISBN 978-5-518-10353-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ПЕТРУ ИВАНОВИЧУ
РИКОРДУ

привожене дружба и уваженя

АВТОРА.

Издавая нынѣ особою книгою статьи, написанныя мною о послѣдней повѣздкѣ моей за границу, исполняю обѣщаніе, данное мною публикѣ. Благосклонное принятіе моихъ Путевыхъ Писемъ (въ 1839 г.) возложило на меня обязанность не отступать и въ нынѣшнихъ очеркахъ отъ прежней моей методы: не вдаваться въ разглагольствія и толки, добросовѣстно и просто описывать то, что мнѣ встрѣчалось въ пути любопытнаго и достойнаго вниманія, и тѣмъ пролагать дорогу другимъ нашимъ путешественникамъ. И въ этой книгѣ старался я говорить правду, по крайнему моему разумѣнію, не прибавляя и, сколько возможно, не убавляя. Читатели мои найдутъ, что я пишу объ Италіи не такъ, какъ о Германіи и Швейцаріи: въ послѣднихъ двухъ земляхъ обращаю я преимущественное вниманіе на людей, на происшествія, на нынѣ-

шнее ихъ состояніе; въ первой болѣе говорю о мѣстности, о природѣ, о произведеніяхъ искусства и памятникахъ древности. Все описываемое мною видѣлъ я собственными своими глазами; историческія же и археологическія дополненія и объясненія заимствовалъ изъ достоверныхъ источниковъ. Разумется, что для людей, читавшихъ на чужихъ языкахъ подробныя описанія изображаемыхъ мною странъ, въ моихъ очеркахъ будетъ мало новаго, но я писалъ исключительно для русской публики, и не останавливался мыслию, что многое описано уже другими, по-нѣмецки и по-французски. Срокъ пребыванія моего въ чужихъ краяхъ былъ очень ограниченъ, и потому, конечно, не могъ я избѣжать въ описаніи моемъ ошибокъ и невѣрностей. Прошу въ томъ у читателей моихъ извиненія, и утѣшаюсь старинною поговоркою: не ошибался только тотъ, кто ничего не дѣлалъ.

Николай Грегъ

I.

Побудительная причина путешествія. Приготовленіе. Разлука.
Пароходъ. Общество. Плаваніе. Травенюнде. Любекъ.
Гамбургъ. Гостиница Штрейта. Мейеръ. Соломонъ Гейне.
Другія знакомыя. Отъѣздъ въ Голландію.

Гамбургъ, 22-го Мая (3-го Іюня) 1841.

Никакъ не воображалъ я, что въ нынѣшнемъ году буду за границею. Потеря времени, разстройства всякаго рода и чрезвычайныя издержки, сопряженныя съ дальнимъ странствіемъ, останавливали меня, и одно удовольствіе путешествія или удовлетвореніе любопытства ни за что не побудило бы меня оставить, въ нынѣшній разъ, родное мое пепелище. Уже располагалъ я своимъ временемъ на лѣтнюю пору, помышлялъ о предстоящихъ мнѣ занятіяхъ, о загородныхъ прогулкахъ и развлеченияхъ.... Вдругъ встрѣтились обстоятельства неотвратимыя, важныя, — и, важнѣйшее изъ всѣхъ важныхъ — возстановленіе здоровья. Съ начала нынѣшняго года страдалъ я разстройствомъ пищеваренія, противостоявшимъ самому строгому и рачитель-

ному леченію, самой жестокой діетъ. Наступило лѣто, и болѣзнь моя не прекращалась. Я рѣшился послѣдовать совѣту почтеннаго врача моего, и пользоваться, по его рецептамъ, лекарствами не изъ людской аптеки, а изъ божественной фармаціи, получающей свои медикаменты изъ нѣдръ матери земли, составленные по законамъ таинственной химіи, предъ которою наша химія — не во гнѣвъ будь сказано почтеннѣйшимъ А. П. Нелюбину, С. Я. Нечаеву, Г. И. Гессу — то же, что Каллетова стеариновая свѣчка предъ солнцемъ божіимъ. — По тщательномъ изслѣдованіи моего недуга, гениальный врачъ мой, любезный и благородный Мандтъ, объявилъ, что я долженъ ѣхать въ Эмсъ, и потомъ провестъ, для отдыха, еще нѣсколько времени въ южной Германіи, и если можно, еще южнѣе. Но какъ оставить мои дѣла, Пчелу, и т. д.? Это недоумѣніе разрублено было острою уланскою саблею, превращенною въ не менѣе острое перо. Ф. В. Булгаринъ прекратилъ всѣ мои колебанія и сомнѣнія. «Вздоръ, братецъ!» вскричалъ онъ, узнавъ о совѣтѣ доктора: «Здоровье дороже всего, и здоровый ты наработаешь въ два мѣсяца болѣе, нежели больной въ два года. А ужъ Пчелу мы, съ твоимъ сыномъ, кое-какъ прокормимъ. Да и ты, когда зазудятъ пальчики авторскіе въ Нѣмціи, не оставишь прислать статейку, другую.» — Это значило: поѣжай и пиши! Слушаю, ваше благородіе; поѣхалъ и пишу!

И вотъ уже я на гамбургскомъ Юнгферштигъ, сижу у раскрытаго окна Штрейтовой Гостиницы, люблюсь прекраснымъ видомъ, прелестною погодою, и помышляю о томъ, какъ ѣхать далѣе, въ мой милый, незабвенный Эмсъ, воды котораго, уже за двадцать четыре года предъ симъ, возстановили мое здоровье, и, такъ сказать, совершенно меня переродили! Ахъ, если бъ въ высшемъ комитетъ рѣшено было продлить эту аренду еще хоть лѣтъ на двѣнадцать!.. Опять о здоровьи! Да это надоѣсть читателямъ. Лучше расскажу, какимъ образомъ сюда прѣхалъ. Почтенная госпожа мадамъ Курдюкова! дай мнѣ перышко изъ крыльшекъ, которыя носили тебя по поднебесью, и игривыми своими стихами оживи мою скучную, вялую прозу! Письмъ этой дамы, какъ будто совѣстно и ѣздить, и писать, и купаться. Совѣстно! Старый журналистъ заговорилъ о совѣсти! Видно, въ самомъ дѣлѣ прихварываетъ.

Приготовленія къ пути были непродолжительны. Получивъ соизволеніе начальства, три экземпляра Прибавленій къ С. Петербургскимъ Ведомостямъ и благословеніе квартальнаго надзирателя, явился я со всѣми сими документами къ почтеннѣйшему Графу Петру Кирилловичу Эссену, и чрезъ часъ заграничный паспортъ былъ въ моихъ рукахъ. На другой день прописалъ я его въ иностранныхъ посольствахъ, а на третій, въ субботу, 10-го мая, отправился въ путь. Родные, друзья, пріятели, разумеется, повхали

Бѣднаго меня *маладъ*
Проводить *жюска* Кроиштадтъ.

Нѣтъ! тутъ шутки не у мѣста! Разлука съ близкими нашему сердцу тяжела и мучительна: это смѣшеніе чувствъ самыхъ противоположныхъ, тоски, надежды, грусти, ожиданія, страха, довѣрія къ Провидѣнію. Лики, взоры любимыхъ намъ исчезаютъ изъ глазъ нашихъ на нѣсколько мѣсяцевъ; мы въ это время не услышимъ звука ихъ голоса, не подѣлимся съ ними ни мыслію, ни словомъ; нзрѣдка только будемъ бесѣдовать съ ними, и то на бумагѣ. Да еще, — нѣтъ! нѣтъ! Ахъ, если бъ не было въ мірѣ разлуки! — — Меня въ этотъ разъ томилла жестокая тоска сильнѣе, нежели когда нибудь прежде, когда я ѣзжалъ за границу. Какія-то темныя предчувствія возникали въ моей душѣ, и наводили тѣнь на будущее..... Въ шесть часовъ вечера отѣхали наши посѣтители обратно въ Петербургъ. Въ восемь пришелъ новый транспортъ пассажировъ. — Не можно вообразить себя скуки и досады, терзающихъ путешественника въ промежутокъ времени между прибытіемъ на пароходъ, и отправленіемъ его въ путь. Бѣготня, суматоха, прощанія, слезы — у иныхъ обѣдъ съ шампанскимъ и со всеми послѣдствіями шумной оргіи. Это смѣшеніе разстраиваетъ и раздражаетъ душу. Хотѣлось бы воротиться домой, уйти изъ этого Содома.....

Въ тотъ же вечеръ снимался съ якоря анг-

лійскій военный пароходъ, на которомъ британскій посолъ, Маркизь Кларькардъ, отправлялся изъ Россіи.

Мы, пассажиры парохода Наслѣдникъ, открывшаго въ нынѣшнемъ году перевозъ въ Любекъ, расположились по своимъ мѣстамъ. Мнѣ достался номеръ 23-й, не въ спальнѣ, набитой двадцатью пассажирами, а въ просторной столовой, на диванѣ. Намъ было не до сна. Вѣстовыя пушки, салюты посла, шумъ и крикъ на палубѣ, все это лишило насъ возможности сомкнуть глаза; въ воображеніи больныхъ, разстроенномъ грустью и тоскою, возникали страшныя мечтанія; бедна разверзалась передъ ихъ ногами; огнedyшащее чудовище уносило ихъ на хребтѣ своемъ, размахивая огромными крыльями, уносило въ туманную даль, туда, гдѣ не свѣтятся звѣзды небесныя, гдѣ не раздаются голоса милыхъ друзей, туда, въ преддверіе грозной смерти. — Въ половинѣ шестаго часа утра привезена была почта изъ Петербурга, и вслѣдъ за тѣмъ подняли якорь. Эта задержка въ Кронштадтѣ очень затрудняетъ плаваніе пароходовъ. Изъ Травемюнда отправляются они по субботамъ въ три часа, и въ Кронштадтѣ приходятъ обыкновенно въ среду утромъ. Изъ Кронштадта же отходятъ утромъ въ воскресенье, и приходятъ въ Травемюнде въ среду вечеромъ или ночью; съ трудомъ, усиліями и даже съ опасностью пробираются въ мелкомъ устьѣ Травы, и терпятъ нѣсколько часовъ, важныхъ для пас-

сжировъ, которые спѣшать далѣе, и должны ѣхать ночью, собирать свои пожитки, торговаться съ извозчиками. Путешествующія дамы обыкновенно, въ темнотѣ и поспѣшности, забываютъ что нибудь изъ своего скарба. — Должно надѣяться, что правленіе пароходовъ, сдѣлавшее съ начала своего существованія многое въ пользу и удовольствіе путешественниковъ, отворотитъ и это важное неудобство.

Въ нынѣшній разъ ѣхалъ я на пароходѣ въ самомъ пріятномъ и усладительномъ обществѣ. Не было съ нами надутыхъ гордецовъ, которые съ выскоты, на которую поднялись отъ внутренней пустоты своей, смотрятъ съ презрѣніемъ на весь родъ человѣческій; не было ни магазинныхъ вертушекъ, ни странствующихъ прикащиковъ, ни французскихъ волжеровъ, которые привозятъ къ намъ свое невѣжество, и вывозятъ ложь и клевету: нынѣ весь этотъ народъ ѣздитъ прямо въ Гавръ; не было и того несноснаго врага и хвастуна, который преогорчилъ плаваніе мое на Наслѣдникъ, за четыре года предъ симъ. Спутниками нашими были австрійскій полковникъ Графъ Деймъ, родомъ Богемень, съ супругою своею, урожденною Графинею Вальштейнъ, праправнукою знаменитаго полководца Валленштейна; онъ и она люди милые, благородные душою, простые и учтивые въ обращеніи; Книгиня Гагарина съ дѣтьми; Г-жа Ознобишина съ племянницею; московскій докторъ Швейкертъ съ прекрасною молодою женою, и